

Н. Л. Дмитриева

КРЫМСКИЕ МЕТАФОРЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Существуют топонимы, которые в силу разных причин — их местоположения, их истории, их природного или архитектурного облика — оказываются необычайно притягательными объектами для создания поэтического образа. Таковым, например, является Петербург. Исследователи Петербургского текста обращали внимание на то, что его творцами выступали преимущественно не уроженцы Петербурга, а, так сказать, «пришельцы», потрясенные встречей с этим городом¹. То же самое можно сказать и о русской поэзии, воспевавшей Крым.

История Крыма отнюдь не была безоблачной, но чудесный климат, роскошная растительность, море и горы — все это объясняет появление таких его наименований в русской поэзии как «золотой предел», «край прелестный»², «древний мир очарованья», «уголок безмятежный»³. Поэты, очарованные Тавридой, подпадают под власть этой «между морем и горами / Земли роскошной полосы»⁴. И власть эта безраздельная и вневременная: о Крыме писали в конце

¹ См.: *Топоров В. Н.* Петербург и Петербургский текст русской литературы // Семиотика города и городской культуры: Петербург. Труды по знаковым системам. XVIII. Тарту, 1984. С. 15; *Конечный А. М., Кулпан К. А.* Петербург в жизни и трудах Н. П. Анциферова // Анциферов Н. П. «Непостижимый город...»: Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. Л., 1991. С. 5.

² *Пушкин А. С.* «Кто видел край, где роскошь природы...» // Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1947. Т. 2. С. 190. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

³ *Вяземский П. А.* Ливадия // Полн. собр. соч. СПб., 1896. Т. 12. С. 326.

⁴ *Бенедиктов В. Г.* К А. П. Г<артонг>г // Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л., 1983. С. 204.

XVIII века, он равно завораживал поэтов XIX и XX веков, причем в лирике двух последних столетий крымские метафоры повторяют и варьируют друг друга, формируя устойчивую общность созданных в разные эпохи текстов.

Пушкин, однажды покоренный «прекрасными берегами Тавриды» («Отрывки из путешествия Онегина» — VI, 200), возвращался к ним в своем творчестве, рисуя по их образу и подобию недоступные ему края. Изображая Италию, которую ему так мечталось увидеть, он вспоминал Крым. Ср. поэтическое описание Крыма:

Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело шумят и блещут воды
И мирные ласкают берега,
Где на холмы под лавровые своды
Не смеют лечь угрюмые снега?
(II, 190)

и Италии:

Кто знает край, где небо блещет
Неизъяснимой синевою,
Где море теплою волной
Вокруг развалин тихо плещет,
Где вечный лавр и кипарис
На воле гордо разрослись...
(III, 96)

Особое притяжение для Пушкина имел Гурзуф («мой дух к Юрзуфу прилетит» — II, 754). Именно Гурзуф покорил Пушкина, который, как известно, поначалу остался равнодушен к таврическим пейзажам — ни Керчь, ни развалины Пантикапея, ни даже Бахчисарай не тронули его. И только «в виду Юрзуфа», как он писал, он увидел «картину пленительную» (IV, 175).

Когда весной 1821 года в Кишиневе Пушкин взялся переводить сказку французского поэта XVIII века А.-Б. де Сенесе «Утерянное доверие, или Змей, любитель каймака, и турок, его поставщик», то

свой перевод он начал строками «Недавно бедный музульман / В Юрзуфе жил, с детьми, женою» (II, 194). Поселив своего героя в Гурзуфе, Пушкин делает его крымским татаринoм (а не турком, проживавшим в Вифинии, как в оригинале). Когда герой пушкинского перевода, устав в пути, хочет отдохнуть, Пушкин рисует пейзаж теми же красками, какими он рисовал Крым:

Журчанье вод, дерев вершины
 Душистая трава, прохладный бережок,
 И тень, и легкий ветерок —
 Все нежило...

(II, 195)

Для сравнения — крымский пейзаж из «Бахчисарайского фонтана»:

Долин приютная краса
 И струй и тополей прохлада...
 Все чувства путника манит...

(IV, 171)

Гурзуф, стоящий на море, которое «блещет и шумит / Вокруг утесов Аюдага» (IV, 171), знаменитой Медведь-горы, — действительно «метафорообразующее» место. Вот каким видит Гурзуф Н. А. Заболоцкий:

В большом полукружии горных пород,
 Где, темные ноги разув,
 В лазурную чашу сияющих вод
 Спускается сонный Гурзуф,
 Где скалы, вступая в зеркальный затон,
 Стоят по колено в воде,
 Где море поет, подперев небосклон,
 И зеркалом служит звезде —
 Лишь здесь я познал превосходство морей...⁵

Как и Пушкин, Заболоцкий особенно выделяет Гурзуф.

⁵ Заболоцкий Н. А. Гурзуф // Заболоцкий Н. А. Стихотворения и поэмы. М.: Л., С. 121.

Гора Аю-Даг, расположенная рядом с Гурзуфом, прямо напрашивается на создание метафоры. Она очень похожа на медведя, лежащего мордой в сторону моря и словно пьющего оттуда воду. У Вяземского есть стихотворение, целиком построенное на обыгрывании этого сходства:

Там, где извилины дороги
Снуют свою вокруг моря сеть,
Вот страшно выполз из берлоги
Громадной тучности медведь.

Использование конкретной лексики, характеризующей настоящего медведя, позволяет и далее развивать метафору:

В своем спокойствии медвежьем
Улегся плотно исполин
<...>
Порой на солнце в неге дремлет
И греет жирные бока...

Рисуя медведя, Вяземский изображает вполне реальные черты Крымского пейзажа:

Наш зверь оброс зеленой шерстью!
Когда же зной его печет,
Спустившись к свежему отверстию,
Он голубое море пьет.

Затем медведя — «сына солнца южного» — поэт сравнивает с северным «мишкой», который, «чтоб развлечь тоску и голод» «лапу медленно сосет», и с самим собой — «сыном северных метелей». Отдавая должное «роскошному югу», Вяземский иронично заканчивает свое стихотворение:

Я сам бы рад дожить медведем,
Как ты, счастливец Аю-Даг!⁶

⁶ Вяземский П. А. Аю-Даг (Дорогой) // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 305–306.

Есть у Вяземского и другое, шуточное, полное самоиронии и вместе с тем грустное стихотворение, обыгрывающее метафору «Аю-Даг — Медведь». Это послание старого человека (оно написано в 1871 г.) с севера, из Царского Села на юг — в Ливадию:

Смотрю я вашим Аю-Дагом,
 В берлоге как медведь сижу,
 Иль медленно медвежьим шагом
 В саду пустынном я брожу.
 Но, как медведю, ради скуки
 Сосать мне лапу неподстать,
 Мои так исхудали руки,
 Что в них уж нечего сосать⁷.

Сходство горы с медведем, причем с лениво развалившимся медведем (а не с орлом, или львом, или кем-либо еще более величавым) является причиной создания именно иронических метафор — например, у А. К. Толстого:

Растянулся на просторе
 И на сонных берегах,
 Окунувши морду в море,
 Косо смотрит Аю-Даг.

Поэт пишет о том, как он торопится добраться до дома, где его ждут ужин и ночлег, но гора такая большая, что путнику никак ее не обогнуть:

Вот уж час как в ожиданье
 Конь удваивает шаг,
 Но на прежнем расстоянье
 Косо смотрит Аю-даг.
 Тучи море затянули,
 Звезды блещут в небесах,
 Но не знаю, обогну ли
 Я до утра Аю-Даг?⁸

⁷ Вяземский П. А. Из Царского Села в Ливадию // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 447.

⁸ Толстой А. К. «Растянулся на просторе...» // Собр. соч.: В 4 т. М., 1963. Т. 1. С. 113–114.

Следует отметить, что, кроме Аю-Дага, все прочие горы и скалы — предмет, не подлежащий насмешке. Пушкин описывает «скал нахмуренные своды» (II, 256), у Вяземского они — «стена сторожевая, / Дающая отбой бунтующим волнам»⁹:

Как твердыня, скал громада
Уперлася в полукруг —
И охрана, и ограда
От напора зимних выюг¹⁰.

Нетривиальные антропологические метафоры придумывает для обозначения гор Бенедиктов:

Зияют челюсти громад,
Их ребра высунулись дико¹¹.

У Мандельштама, для которого вообще свойственно употребление неожиданных и необычайно емких метафор, встречается такое изображение гор: «И сумасшедших скал колючие соборы»¹². А Вс. Рождественскому Крымские горы видятся «подобьем повернутых чаш» («Крымский скорый»)¹³.

Крым, этот «цветущий край», необычайно богат красками — их разнообразие служит одним из оснований для создания метафор и сравнений, при этом очень часто краски обозначены по цвету драгоценных (или полудрагоценных) камней.

Пушкин:

Янтарь висит на лозах винограда...
(«Кто видел край, где роскошью природы...» — II, 190)
Все живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда...
(«Бахчисарайский фонтан» — IV, 171)

⁹ Вяземский П. А. Горы ночью (Дорогою) // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 323.

¹⁰ Вяземский П. А. Орианда. (Государыне Императрице) // Там же. С. 331.

¹¹ Бенедиктов В. Г. «Кипело море млечной пеной...» // Бенедиктов В. Г. Стихотворения. С. 187.

¹² Мандельштам О. Э. «В хрустальном омуте какая крутизна...» // Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 125.

¹³ Рождественский Вс. Стихотворения. Л., 1985. С. 119.

Вяземский:

И крупной кистью изумрудной
Роскошно виноград повис¹⁴.

Бенедиктов:

Там, где по яхонту эфира
Гуляют вольные орлы,
Где путь себе хрусталь Салгира
Прошиб из мраморной скалы...¹⁵

А. К. Толстой:

Солнце жжет, перед грозой
Изменился моря вид:
Засверкал меж бирюзой
Изумруд и малахит¹⁶.

А вот какими красками пишет море Вяземский:

Море яркою парчею
Расстилается внизу,
То блестит златой струею,
То сольется в бирюзу,
В изумруд и в яхонт синий,
В ослепительный алмаз,
Зыбью радужной пустыни
Не насытит жадный глаз¹⁷.

Конечно, наибольшее число метафор рождается при описании Черного моря. Оно воспринимается как могущественное живое существо, можно вспомнить пушкинское стихотворение «К морю», его

¹⁴ Вяземский П. А. Бахчисарай (Ночью при иллюминации) // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 307.

¹⁵ Бенедиктов В. Г. К А. П. Г <артог>. С. 204.

¹⁶ Толстой А. К. «Солнце жжет; перед грозой...» // Собр. соч. Т. 1. С. 109.

¹⁷ Вяземский П. А. Орианда (Государыне Императрице). С. 330.

обращение к «свободной стихии», в котором море для поэта — «он» («ты выиграл» — II, 331). У А. К. Толстого — то же самое: море — это бог, при этом бог, влюбленный в землю:

Море бросится в объятия
Изывающей земли,
И, покрытый пеной белой,
Утомясь, влюбленный бог
Снова ляжет, онемелый
У твоих, Таврида, ног¹⁸.

Ср. у Пушкина: «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...» («Нереида» — II, 156).

Впрочем, восприятие образа моря может быть различным. В стихотворении Заболоцкого «Над морем» оно предстает дирижером большого оркестра:

Здесь море — дирижер, а резонатор — дали,
Концерт высоких волн здесь ясен наперед,
Здесь звук, задев скалу, скользит по вертикали,
И эхо среди камней танцует и поет¹⁹.

Или персонификация, казалось бы, совсем неожиданная — Черное море сравнивается с собакой. Однако контекст полностью оправдывает такой выбор:

И казалось море
Черным псом у ног,
Что ложится мордой
На ночной песок...²⁰

Коль скоро море — это живое существо, то оно и «зовет», и «поет», и «плачет», и «лепечет» и т. д.:

¹⁸ Толстой А. К. «Солнце жжет; перед грозю...». С. 109.

¹⁹ Заболоцкий Н. А. Стихотворения и поэмы. С. 156.

²⁰ Рождественский Вс. «Много ль сердцу надо...» // Рождественский Вс. Стихотворения. С. 81.

И слушал я, как плачет море,
 Чтоб словно выплакать все горе
 Из глубины груди своей.
 Не выразит язык земной
 Твоих рыдающих созвучий...²¹

Голос моря — таинственный голос, «призывный». Куда он зовет, о чем говорит — загадка:

И над твоим тревожным ложем
 Стоим, вперяя жадный слух²².

Услышал медлительный ход кораблей
 И отзвук равнины морской.
 Есть таинство отзвуков. Может быть, нас
 Затем и волнует оно,
 Что каждое сердце предчувствует час,
 Когда оно канет на дно²³.

Морские приливы и отливы вызывают представления о переменях в человеческом настроении, в любовных отношениях:

Не верь мне, друг, когда, в избытке горя,
 Я говорю, что разлюбил тебя.
 В отлива час не верь измене моря,
 Оно к земле воротится, любя.
 Уж я тоскую, прежней страсти полный,
 Мою свободу вновь тебе отдам,
 И уж бегут с обратным шумом волны
 Издалека к любимым берегам!²⁴

А волна идет, идет все шире.
 Вот он, грохот рухнувшего дня!
 В целом мире, слышишь, в целом мире
 Нет ни звезд, ни ветра, ни меня!

²¹ Вяземский П. А. Море // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 334.

²² Там же. С. 335.

²³ Заболоцкий Н. А. Гурзуф. С. 121.

²⁴ Толстой А. К. «Не верь мне, друг, когда в избытке горя...» // Собр. соч. Т. 1. С. 119.

Только ты. Но жадно и ревниво,
 Покоряясь темной воле дна,
 Уж скользит по крутизне отлива
 Морю возвращенная волна²⁵.

Спокойное, тихое море вполне логично уподобляется зеркалу,
 в котором ночной порой отражаются звезды:

И зеркало пропасти зыбкой
 Купает их в лоне своем
 И, вспыхнув их яркой улыбкой,
 Струится и брызжет огнем²⁶.

Где море поет, подперев небосклон
 И зеркалом служит звезде²⁷.

При свете дня в том же зеркале отражаются берега:

К громадам скал приник залив,
 И воды трепетные млеют,
 И, роши лавров отразив,
 Густые волны зеленеют²⁸.

Крым днем — это необыкновенно солнечное, светлое место (недаром Пушкин в набросках к «Путешествию Онегина» написал несколько раз «Сияло всё» (VI, 488)):

И светлой роскошью природы
 Озарены холмы, луга.
 («Таврида» — II, 256)

Залив в одежде светоносной
 Гремит волною подутесной²⁹.

²⁵ *Рождественский Вс.* «Дворик наш зятанут виноградом // Рождественский Вс. Стихотворения. С. 117–118.

²⁶ *Вяземский П. А.* Возвращаясь из Коренза // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 314.

²⁷ *Заболоцкий Н. А.* Гурзуф. С. 121.

²⁸ *Бенедиктов В. Г.* «Ударил ветр. Валы Эвксина...» // Бенедиктов В. Г. Стихотворения. С. 185.

²⁹ *Бенедиктов В. Г.* Могила // Там же. С. 189.

Светлые, яркие таврические берега составляют красочный ковер:

Сияли груды ваших гор,
Долин, деревьев, сёл узор
Разостлан был передо мною. ...
(«Отрывки из путешествия Онегина» — VI, 200)

Живописного узора
Светлый, свежий лоскуток...³⁰

Яркому, сияющему дню противопоставлена темная, но прекрасная южная ночь. Она удивительна — она не погружает мир в сон, в оцепенение, напротив, она движется:

Льешься чашей упоений,
О Таврическая ночь!³¹

Ночь струится в пении цикад³².

Стремясь передать волшебство крымской ночи, Вяземский создает метафору, словно говорящую: «так не бывает, но это так»; метафора построена на отождествлении нетождественных понятий: «молчание» — «звучание, песнь»:

И самое ночи молчанье
Несется, как песнь, по земле.
То негой, то чувством испуга
В нас сердце трепещет сильней,
О ночь благодатного юга,
Как много волшебного в ней!³³

Непременный атрибут поэтического крымского пейзажа — розы, лавры, мирт, кипарисы и т. п.:

³⁰ Вяземский П. А. «Слуху милые названья...» // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 328

³¹ Вяземский П. А. Месячная ночь // Там же. С. 319.

³² Рождественский Вс. «Дворик наш затянута виноградом...» С. 118.

³³ Вяземский П. А. Возвращаясь из Корсизы. С. 315.

Где стройны тополя в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис...
(Пушкин. «Редет облаков летучая гряда...» — II, 157)

Горы, скаты их, вершины
Тополь, лавр и кипарис³⁴.

Ползут на черный кипарис
Гроздами пурпурные розы,
Сюда когда-то в жгучий зной
Под темнолиственные лавры...³⁵

Впрочем, все эти маркированные символы по причине их частого употребления становятся избитыми клише, и ироничный А. К. Толстой подсмеивается над ними:

Как чудесно хороши вы
Южной ночи красоты:
Моря синего заливы,
Лавры, скалы и цветы!
Но мешают мне немножко
Жизнью жить среди этих стран:
Скорпион, сороконожка
И фигуры англичан³⁶.

Для северного, русского уха есть несомненное своеобразное очарование в самих крымских, татарских и греческих названиях. Не случайно Пушкину приходили они на ум, когда он создавал первые главы «Евгения Онегина». Работая над третьей главой, он безо всякой видимой связи с текстом записывает крымские названия — Ак-мечеть, Сеюн-бору, Сеюн-мирза³⁷. Бенедиктов в своих крымских зарисовках называет ряд стихотворений по географическим названиям: «Чатырдаг»,

³⁴ Вяземский П. А. Месячная ночь. С. 318.

³⁵ Толстой А. К. «Где светлый ключ, спускаясь вниз...» // Собр. соч. Т. 1. С. 108.

³⁶ Толстой А. К. «Как чудесно хороши вы...» // Там же. С. 106.

³⁷ См.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 303.

«Чатырдагские ледники», «Пещеры — Кизил-Коба», «Орианда».
А Вяземский просто посвящает этому отдельное стихотворение:

Слуху милые названья,
Зренью милые места!
Светлой цепью обаянья
К вам прикована мечта.
Вот Ливадия, Массандра!
Благозвучные слова...³⁸

Все процитированные проникновенные строки о Крыме, к которому «прикована мечта», написаны пришельцами с севера. Волшебная земля, которую всякий из этих поэтов посетил и покинул, представляется им (благодаря чудному климату, природе, теплomu морю) поистине райским уголком. И эта «пристань, чуждая тревог»³⁹, остается желанной, туда хочется вернуться: «Приду ли вновь под сладостные тени» (Пушкин. «Кто видел край, где роскошью природы...» — II, 191). Таврида — это утраченный рай, потому многие поэтические строки, наполненные светом, вместе с тем полны грусти. У Бенедиктова есть «крымское» стихотворение с названием «Прости»:

Прости, волшебный край, прости!
На кратком жизненном пути
Едва ль тебя я снова встречу
Да и зачем...
<...>
Ты будешь цвести, ты вечно молод,
А мне — вторично не цвести⁴⁰.

Этот «вечно молодой» край вызывает у северянина чувства грусти, смутной тоски:

Этот говор, этот лепет
В вечнолюющих струях
Возбуждает в сердце трепет
И тоску о прошлых днях⁴¹.

³⁸ Вяземский П. А. «Слуху милые названья...» С. 328.

³⁹ Там же. С. 329.

⁴⁰ Бенедиктов В. Г. Стихотворения. С. 202–203.

⁴¹ Вяземский П. А. «Вдоль горы, поросшей лесом...» // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 316.

Скажи, о чем твоя печаль?²
Не той ли думой ты томима,
Что счастье, как морская даль
Бежит от нас неуловимо?⁴²

Крым для русского поэта — это символ недоступного, недостижимого совершенного места, прекрасный «остров», это мечта о невозможности обретения полного счастья. В поэме А. Ахматовой «У самого моря» Крым — метафора, символ воспоминания о невозвратном времени детства:

...я сушила соленую косу
За версту от земли на плоском камне.
Ко мне приплывала зеленая рыба,
Ко мне прилетала белая чайка,
А я была дерзкой, злой и веселой
И вовсе не знала, что это — счастье⁴³.

Основная нота стихотворения Вс. Рождественского «По сухим дорогам Крыма...» звучит так: «Это снилось или было». Однако забыть «то, чему возврата нет», невозможно:

Если память и остынет
И померкнет за чертой,
Всё же сердце не покинет
Бег волны на берег синий
И немолчный гул морской⁴⁴.

Крым по-прежнему манит и притягивает поэта, но прекрасная Таврида остается недостижимой:

И как мне слиться с этими горами,
Как с этим морем быть — накоротке?²
В гареме звезд под винными парами
Я только гость в приморском городке⁴⁵.

⁴² Толстой А. К. «Привал. Дымяся, огонек...» // Собр. соч. Т. 1. С. 110.

⁴³ Ахматова А. Стихи и проза. Л., 1976. С. 190.

⁴⁴ Рождественский Вс. Стихотворения. С. 124.

⁴⁵ Геворкян С. Крымская ночь // Прочерк. М., 2006. С. 105.